

валась ни как полноценная философская наука, ни как строго юридическая наука. Я сознательно избегаю ответа на вопрос о будущем философии и теории права. Не будем забывать, в конце концов, что подавляющее большинство ученых, представляющих другие социальные науки, находятся в похожей ситуации¹, что, по крайней мере, в какой-то степени подтверждается актуальными постмодернистскими дебатами.

Собко Руслан Васильевич (иеромонах Лаврентий),
кандидат философских наук, заведующий кафедрой
библеистики, богословия и философии, доцент Ниже-
городской духовной семинарии

Закон и законность в контексте развития российского общества и формирования национальной идеи

Выступления в рамках круглого стола были посвящены двум аспектам — правовой идеологии и юридическому образованию в эпоху перемен. Именно вызовы современности заставляют наших сограждан обратиться к основам правового сознания и задаваться такими вопросами, что такое Россия, что значит быть русским и почему, и насколько надо соблюдать те или иные законы. Может ли законность стать частью именно русской национальной идеи или же это прерогатива исключительно, например, немецкого менталитета?²

Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к понятиям правового сознания и национальной идентичности. Самая малая часть идентичности есть самоидентичность, осознание себя и того, что происходит вокруг и выстраивание отношения в соответствии с собственными взглядами с теми, кто не я.

Идентичность более высокая — семейная идентичность и следующая за ней племенная или родоплеменная. Здесь уже индивидууму приходится сталкиваться с понятиями морали и нравственности. Мораль, как известно, происходит от латинского *mos, moris* — обычай, а нравственность — от слова нравиться, то есть считаться общественно одобряемым. Таким образом, мы уже на этом этапе в каком-то смысле имеем дело с общественным одобрением, общественной репутацией и прецедентным правом.

На этом этапе объединяющим началом, общей идеей служит кровная родственная связь и общность происхождения. Показательно, что в таких условиях родоплеменной закон действует исключительно в рамках своей группы и не до конца применим к чужакам. Так, в воспеваемой многими славянофилами и народниками русской общине чужака вполне могли убить или обратить в рабство. Сжечь дом или нанести увечья могут иногда и сейчас в российской деревне, если некто, как покажется жителям, противопоставляет себя обществу.

Родоплеменной строй связан еще и с таким понятием, как патернализм, что выражается в терминах родства дед, отец и других. Казалось бы, если хватает сил на применение насилия к чужакам одиночкам или к своим инакомыслящим, то ведь возможно всем вместе отстоять права и общины в целом перед другими родовыми общинами. Однако для подобного действия уже нужен вождь, который и санкционирует внешнее насилие, и задает общую линию поведения.

Патернализм в виде включенной идентичности входит и в исторически более поздние формы общественного развития. Так, например, царь — батюшка, Ленин — дедушка. Имя вождя гуннов Атиллы расшифровывается как «папочка», «отченька», криминального авторитета часто называют пахан, а римского императора *pater patriae*.

Как мы указывали в одной из наших статей, архетипическая этика родоплеменного строя, возможно, — одна из причин коррупции, как в виде так называемого кумовства, так и по той причине, что коррупционная организация воспринимается ее участниками как семья или род,

¹ См.: Вороховов А. В. Особенности западной религиозности постмодерна // Труды Нижегородской духовной семинарии. Нижний Новгород, 2012. 10 (10). С. 25—35; Вороховов А. В. Личность с точки зрения персоналистического актуализма // Труды Нижегородской Духовной семинарии. Нижний Новгород: Ридо, 2020. Вып. 18. С. 349—359.

² См.: Sobornost as the basis of Russian identity: history and current state / O. V. Parilov [and others] // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS, Nizhny Novgorod, 10—12 March 2020. Nizhny Novgorod: European Publ., 2021. Pp. 754—760.

что позволяет поддерживать своих и снимает моральные или правовые принципы по отношению к чужим¹.

Еще одним признаком удержания правового сознания на уровне родового строя является восприятие общественных помещений или территорий — всего, что вне дома или квартиры, — как чужих или ничейных. Общественное имущество или подвергается порче, или присваивается. Получается странный парадокс, на который указывает О. В. Парилов, — формально община есть, а на самом деле в том виде как европейская коммуна, мусульманская умма или еврейский кибуц она не функционирует².

Некоторые из исследователей видят корень этой проблемы в связанном с крепостным правом так называемом «комплексе раба» или, иначе говоря, в том, что по историческим причинам у русского народа практически отсутствует навык общинной жизни. Несколько десятилетий после отмены крепостного права не смогли отменить этого явления. Возникший на месте Российской империи Советский Союз, несмотря на название, в общественном смысле, как нам кажется, вернул российское общество в определенном смысле снова к родоплеменному строю только уже в рамках целой страны. Последовавший за ним дикий капитализм не изменил ситуации, поскольку не был связан, да и до сих пор не связан с цеховым сознанием или общностью профессионального опыта и направлен лишь к получению прибыли.

По этой причине общественный строй, возникший на территории бывших союзных республик, иногда называют новым феодализмом, когда отдельный специалист или сообщество воспринимаются лишь как подчиненный инструмент и, образно говоря, не имеют юридической коллективной субъектности на уровне «феодала». Отсутствие общин и описанные выше проблемы приводят к весьма странному составу депутатского корпуса как на уровне муниципального самоуправления, так и государственной думы, что метафорически можно выразить таким образом — в нашем парламенте две палаты лордов и ни одной палаты общин.

Как было сказано выше, законность при общинно родовом строе не что иное как обычаи и нравственность. Возникающее на следующем этапе религиозное мировоззрение уже говорит о Законе, который уже имеет надэтническую и сверхчеловеческую субъектность. Так, верховный суд — это высший божественный суд, а форсмажор в определенном смысле — высшие силы. Религиозный закон устанавливает для сообществ высшую цель, выходящую за рамки интересов одного народа или одного поколения, а законность заключается в определенном религиозно-правовом способе мышления и образе жизни. Отказ от такого образа жизни или выход из религии — уголовное и государственное преступление.

Религиозный закон — закон письменный и эффективный, если религиозная община умеет читать и изучает закон, повышая таким образом правовое самосознание, что можно увидеть на примере иудаизма, ислама или протестантизма. Чрезмерно усложняясь, религиозный (да и иной) закон догматизируется и превращается в политическую теологию, где носителем религиозно-правовой сверхидеи является уже само государство, становясь священной империей с исторической мессианской задачей³.

Такой сменой религиозно правовых систем можно считать замену византийского православия на ислам, католицизма — протестантизмом и даже в определенном контексте православия царской империи на коммунизм⁴. Создание же мессианской идеи, на наш взгляд, признак деконструкции религиозной идеи в собственном смысле замена ее идеологией. Такова, например, политическая идея Москва — Третий Рим, затем «православие, самодержавие, народность» и даже довоенный коммунизм, и поствоенный идеологизированный социализм.

Закон, записанный, становится обязательным для исполнения, если он приобретает обязательность (законность, легальность) через трансляцию власти или в силу национальных обычаев и

¹ Собко Р. В. Социально-антропологическое измерение феномена коррупции // Коррупция как угроза развития общества и государства: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 18 апреля 2019 года. Нижний Новгород: Белый цвет, 2020. С. 47—51.

² Парилов О. В., Собко Р. В. Прошлое и настоящее русской общины и общинности // Философские исследования и современность: сборник научных трудов. Москва: ИПЛ, 2019. С. 204—208.

³ Собко Р. В. Социальное государство: историческая и богословская ретроспектива // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С. 308—311.

⁴ Собко Л. Реформация 1517 и Революция 1917: проблема преемственности // Труды Нижегородской Духовной семинарии. 2018. № 16. С. 449—457.

национального самосознания, или посредством высших сил, или через сакрализацию самого государства и его народа, как на определенном этапе развития СССР. Утрата законности приводит и к деконструкции системы даже при внешнем ее благополучии — Российская империя, Советский Союз.

Постмодерн последовательно отменяет государство, народ, семью, личность. Неоконсерватизм делает попытку реконструкции указанных социальных институтов, а в нашем случае возможно и их формирование почти с нуля, что возможно и станет государственной задачей на ближайшие десятилетия.

Марченя Павел Петрович,

кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Правовые мифологемы и юридическое образование в эпоху перемен

Еще более полувека назад в статье, посвященной 50-летию Октябрьской революции, расколовшей мир на «до» и «после», советский философ М. А. Лифшиц сформулировал неутешительную психологическую оценку общемировой ситуации зреющей глобальной «эпохи перемен», уже тогда обозначившей повсеместно растущие угрозы всеобщей истории Новейшего времени: «Проклятие несовершенство перемен написано огненными буквами на стенах этого мира. Вот откуда растет отрицательный потенциал, сделавший современность эпохой страха»¹.

Увы, за прошедшее с тех пор время актуальность этого тревожного диагноза современности как эпохи страха не только не уменьшилась, но еще более возросла. Нынешняя эпоха перемен стремится и вовсе выродиться в эпоху отмен, делая вполне возможным уже даже не просто *Конец истории* а-ля фукуяма, а самый настоящий *Конец Света*. *Конец* в его подлинном, эсхатологическом смысле.

Охватившие к настоящему времени практически весь мир глобалистические (дай Бог! не апокалипсические) перемены вынуждают не только соответствующих специалистов и философское экспертное сообщество России, но и всех думающих граждан, в страхе перед будущим (и тем более, возможностью его утраты), искать опоры в прошлом. В нашем родном, по-прежнему великом, но и по-прежнему непредсказуемом прошлом.

И поневоле приходится радикально переоценивать привычные связи былого и предстоящего, вне своего собственного, «настоящего» времени, искать ответы на крайне болезненные вопросы, порожденные нелинейными траекториями истории и неподдающимися глобализаторским расчетам временные парадоксы так называемой эпохи перемен.

Так куда же мы все-таки идем, *вперед в минувшее* или *назад в грядущее*? На фоне беспрецедентной эскалации конфликта цивилизаций, империй, военно-политических блоков и историко-философских смыслов необратимо творящейся на наших глазах Истории, *прогнозы на прошлое* и *воспоминания о будущем* становятся не только забавой для профессиональных гуманитариев и «инженеров человеческих душ», но и мучительной необходимостью для самого широкого круга людей, пытающихся осознать, что происходит сегодня с Россией и миром. И что с ними будет дальше...

Но, разумеется, особая роль в подобном осознании и самосознании общества принадлежит его рефлексующим элитам, несущим интеллектуальную и духовную ответственность за адекватность социальных ответов на вызовы Новейшей истории. Угрожающие выживанию традиционных цивилизаций и сохранению традиционных ценностей перемены современного «смутного времени» настоятельно требуют от социума и его элит обращения (а в чем-то и *возвращения*) к самим традициям, истокам, корням своей идентичности, к коллективной исторической памяти, идеологе-

¹ Лифшиц М. А. Нравственное значение Октябрьской революции // Скепсис. URL: http://scepisis.ru/library/id_184.html (дата обращения: 01.11.2022). (Статья была написана в 1967 г., но в те времена в печати не появилась. Впервые в сокращенном варианте была опубликована в журнале «Коммунист» в 1985 (№ 4). Но более полный вариант см.: Лифшиц М. А. Собрание сочинений: в 3 т. Москва: Изобраз. искусство, 1988. Т. 3. С. 230—258).